

Жгиров Ф. Е.

НАБАТ ВОЙНЫ ВРЫВАЕТСЯ В СЕРДЦА

СЛЕСАРЯ закончили работу в воскресенье часам к двум дня – почти сутки возились с аварийным двигателем, не выходя из мастерской. Егор Дубин наскоро ополоснул руки в солярке, молча долго вытирал их ветошью. "Остальное дома", – решил про себя. По праву старшего и ближе всех жившего закрыл помещение и размашисто зашагал по знакомой тропинке. Волнения улеглись, верх брала усталость. Рыбалка, о которой договорились с Сергеем Смирновым на воскресное утро, отошла на второй план: хотелось есть и спать.

Едва переступил порог квартиры – навстречу жена вся в слезах:

– Война, Егорушка!

Оторопел Егор, поперхнулся даже:

– Какая еще война? Чего выдумала?

– Немцы бомбили города... Молотов выступал, говорил... Как там Борис с Николашей? И не живы, поди...

Егор прошел в прихожую, сел на скамейку. До сознания медленно доходила услышанная весть. Война? Ну и что? Была же финская. Три с половиной месяца – и все. Красная Армия разобьет врага на его же территории. На жену свою, Катерину, цыкнул:

– Не паникуй и сырость не разводи. И Борис с Николаем живы, нечего их хоронить раньше времени.

Довод, видимо, не очень убедил Екатерину Ивановну. Она, наслушавшись ошеломляющих сообщений, продолжала сквозь слезы размышлять о судьбе Бориса, лейтенанта-танкиста, обещавшего в конце июля приехать на побывку, и Николая, служившего действительную последний год и собиравшегося осенью увольняться в запас. Егор Яковлевич и сам сомневался в своих доводах, так что жену останавливать не стал – пусть выплачется. Он разулся, сунул ноги в войлочные шлепанцы и сел возле комода, над которым висела черная тарелка репродуктора. Хотелось своими ушами услышать о войне.

Про себя думал Егор, что и не следовало бы уж так переживать: не раз слышал, да и в газетах читал, что в случае военного конфликта Красная Армия и Флот ответят двойным ударом на удар поджигателей войны.

...В начавшейся войне удары, конечно, были. С фронтов приходили разные вести. Говорили, что под Даугавпилсом части генерала Лелюшенко семнадцать часов вели упорный бой с зарвавшимся врагом. Гитлеровцы потеряли в нем немало танков, орудий и минометов, до 400 солдат и офицеров. Около 300 фашистов попали в плен. Отличились

там и наши танкисты. Егор почему-то решил, что в их числе непременно был и Борис, его сын, командир танка.

Поступали и другие сообщения с мест боевых действий. Красноармейцы и командиры, стрелки и танкисты, летчики и артиллеристы, говорилось в них, самоотверженно отстаивают каждую пядь советской земли, в боях с врагом проявляют отвагу и героизм. Но в целом обстановка не радовала. Под натиском численно превосходившего врага наши части отходили, оставляя села и города, районы и целые области. Вот уже значительная часть Прибалтики и Белоруссии оказалась под пятой оккупантов. Танковые клинья гитлеровцев неудержимо продвигались к жизненно важным центрам страны.

Нет, рассуждал Егор, не получалось двойного удара. Война все ближе подступала к Ленинграду и Смоленску, Киеву и Одессе. Тревожные сообщения набатом врывались в души людей.

С началом войны на территории Московского военного округа было объявлено военное положение и началась мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения. Егор Дубин не подлежал призыву и продолжал трудиться в авторемонтной мастерской. Работы заметно прибавилось: пошли военные заказы, и слесаря частенько забывали об отдыхе.

А сводки Совинформбюро шли одна тревожнее другой. Появились беженцы из западных районов страны, а с ними разные подробности о гитлеровских полчищах, о десантах в самых невероятных местах. Многие из этих сообщений и не соответствовало действительности, но пойдти проверь. В редкие минуты перекуров автослесаря все чаще заводили разговор о том, что и им пора брать в руки оружие – армия не справляется с врагом, народ ей должен помогать. Под впечатлением этих разговоров Егор Дубин заявил жене:

– Суши сухари, Катерина. Сынам пойду помогать немца бить. Не годится в такую пору возле бабьей юбки отсиживаться...

В военные комиссариаты и партийные комитеты весенним потоком потекли заявления от добровольцев. Во всех письмах одна просьба – отправить в действующую армию. Люди почувствовали тяжесть подступавшей опасности и в лихую годину стремились собственной грудью заслонить страну от чужеземных завоевателей.

В конце июня А. Вахмин писал в партком Московского института инженеров транспорта:

"Считаю великой честью защищать Отечество, быть в рядах РККА. В первый день мобилизации к 12 часам дня я уже был в райвоенкомате для назначения меня в часть. Зачислили в резерв. Прошло три дня – вызова не получаю.

В 10 час. 26 июня написал рапорт военкому Коминтерновского района, где я прописан, о зачислении меня добровольцем. Отдам все свои силы, опыт на защиту нашей любимой Родины, за партию Ленина.

Да здравствует наша доблестная Красная Армия!"

А. А. Вахмин – участник гражданской войны, член партии с 1919 года, железнодорожник. Он стал ополченцем и сражался с врагом рядовым, а затем был назначен командиром саперного взвода.

Москвич И. Левко писал в Киевский райком партии столицы: "Прошу зачислить меня в ряды народного ополчения Киевского района г. Москвы. В тяжелые дни для советского народа я не считаю для себя возможным оставаться в тылу, а хочу вести активную борьбу с немецкими варварами".

И. С. Левко зачислили в ополчение. Он воевал с врагом в составе 21-й дивизии народного ополчения, был членом дивизионной партийной комиссии. За боевые заслуги на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в декабре 1941 года Левко наградили орденом Красной Звезды.

В архиве сохранилось письмо старшего политрука запаса И. В. Богородского в Киевский райком ВКП (б) г. Москвы. Вот его текст:

"Год рождения – 1898-й. Я – солдат революции, активный участник гражданской войны, в которой командовал ротой и был военкомом отдельного батальона. Кончил высшую военную школу. Член ВКП (б) с 1919 года. Воевать я умею.

Прошло десять дней со дня вероломного нападения германского фашизма на нашу Родину, а меня не призывают в Красную Армию. Вероятно, по причине некоторой ограниченности здоровья или возраста.

В такое время, когда Родина в опасности, я, член ВКП (б), участник гражданской войны, воспитанник партии Ленина, не могу сидеть сложа руки.

Прошу куда угодно, на любую работу из самых опасных участков, принять меня в ряды действующей армии. Со своей стороны буду полезен делу и оправдаю ваше доверие.

Оставляю жену и двоих детей. Если погибну, Родина их не оставит. 1 июля 1941 г."

Вот так: коротко и ясно.

И. В. Богородский сражался в рядах 21-й дивизии народного ополчения.

"Я участник гражданской войны, – писал на свой завод бывший бригадир дорожно-дворового цеха ополченец Яков Павлов. – Откликаясь на призыв нашей партии оказать помощь Красной Армии, я записался в ополченцы. Об этом я сказал дома жене и сыну.

7 июля, когда наша группа направлялась на военный пункт для оформления, я вдруг увидел в рядах построившихся ополченцев моего шестнадцатилетнего сына Евгения. Он шел недалеко от меня и улыбался. Я понял те чувства, которые переживал мой сын в эту минуту, и тоже улыбнулся в ответ. "Молодец! – сказал я Евгению. – Шагай веселей, в ногу!"

Вместе мы пришли на пункт. Вместе получили направление в одну и ту же часть. Плечом к плечу мы будем защищать Родину от

гитлеровских бандитов и, насколько хватит сил, помогать нашей Красной Армии".

Рабочий московского завода "Красный пролетарий" Ф. Наумов заявил:

"Мне идет уже пятый десяток, но я записался в ряды народного ополчения вместе со своими сыновьями Михаилом, 19 лет, и Иваном, 17 лет, оба они слесаря. Старший работал на сборке № 2, а младший работает и сейчас в цехе приспособлений.

Без сговора, движимые одним чувством – любви к Родине и яростной ненависти к врагу Гитлеру и его разбойничьим бандам, записались мы в ряды народного ополчения в один и тот же день и час.

И мне, как участнику подавления контрреволюционного восстания кадетов в 1917 году, когда мне был всего 21 год, участнику гражданской войны, это чувство патриотизма, проявленное моими сыновьями, было особенно понятно и отрадно.

Мой третий сын, Сергей, – колхозник, участник боев под Хасаном, находится уже в рядах действующей армии.

Мы готовы встретиться лицом к лицу с врагом, готовы к разгрому его".

Механик-водитель А. Канатчиков писал волоколамскому военкому: "Я не могу равнодушно относиться к такому событию. Я прошу вас, товарищ комиссар, удовлетворить мою просьбу – зачислить меня добровольцем в ряды действующей армии".

Работница станкостроительного завода З. Новоселова просила: "Прослушав по радио о вражеском нападении германских фашистов на Советский Союз, я тотчас же решила идти защищать Родину и биться до последней капли крови. Прошу зачислить меня в ряды Красной Армии".

Колхозники Таракановского сельсовета Звенигородского района Московской области писали: "В ответ на гнусные происки фашистской банды, напавшей на Советский Союз, с глубокой ненавистью к врагу, с нежной любовью к Родине готовы по первому зову партии сменить трактор на танк, плуг на пулемет и винтовку, стать грудью на защиту священных границ социалистического государства".

С просьбой о зачислении в народное ополчение обращались целые семьи, престарелые люди. Отец прославленного летчика, дважды Героя Советского Союза Г. П. Кравченко – П. Н. Кравченко в своем заявлении писал: "Я – отец пяти сыновей, которые призваны в Красную Армию. Четыре моих сына с начала военных действий сражаются на фронте против гитлеровских полчищ. Пятый сын работает в военном ведомстве. Я желаю, несмотря на свой возраст, защищать с оружием в руках свою Родину. И от меня не будет врагу пощады, не дрогнет стариковская рука. Я выполню свой священный долг перед Родиной".

В военкомат Дзержинского района г. Москвы пришел 64-летний Ф. М. Орлов, участник русско-японской, первой мировой и гражданской войн. В годы гражданской войны он командовал частями и

соединениями Красной Армии, был 24 раза ранен и контужен, заслужил орден Красного Знамени, именное серебряное оружие и золотой портсигар. В 1920 году Орлов был заместителем у М. В. Фрунзе. В грозный для Родины час Федор Михайлович написал в заявлении: "Я отдаю свою жизнь за нашу Родину, за нашу партию. И пока бьется в груди мое сердце, никогда не сложу оружия".

Он отклонил предложение работать в штабе и стал командиром разведбатальона, а в сентябре 1941 года возглавил 160-ю стрелковую дивизию. За успешное руководство боевыми действиями частей при освобождении от врага г. Вереи Ф. М. Орлов был награжден орденом Красного Знамени. Вскоре он получил еще один орден Красного Знамени.

Сыновья Орлова сражались с врагом столь же отважно, как и отец. Под Ленинградом в жестоком бою сложил свою голову старший сын – Владимир, начальник штаба полка. Младший сын, Василий, командовал танковым полком и бригадой, погиб на подступах к Берлину. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Третий сын, Евгений, награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны.

Дочь Мария перед войной окончила Военно-воздушную академию им. Н. Е. Жуковского и воевала в полку Героя Советского Союза Марины Расковой. Награждена орденом Красного Знамени.

Жена Федора Михайловича – Мария Иосифовна – на сбережения семьи приобрела танк Т-34. Машину направили в часть, где воевал Василий. Назвали танк "Родина-мать". Его экипаж за годы войны уничтожил 9 танков, 17 орудий, 18 автомашин и много живой силы врага. В мае 1965 года Мария Иосифовна награждена орденом Отечественной войны I степени.

Добровольное желание отправиться на фронт выражали многие, не подлежавшие мобилизации. Всего в военкоматы столицы в течение первых дней войны поступило 170 тысяч заявлений-просьб о посылке на фронт, в военкоматы Подмосковья – 140 тысяч аналогичных писем. В этом величайшем порыве выражались преданность нашего народа своей социалистической Отчизне и Коммунистической партии, стремление внести личный вклад в разгром врага непосредственно на поле боя.

28 июня 1941 года газета "Правда" в передовой статье разъясняла: "Враг силен. Было бы легкомыслием недооценивать его силы. Война требует напряжения всех сил, железной выдержки, мужественного хладнокровия... Нельзя тешить себя мыслями о легких успехах". Не каждый номер газеты читал Егор Дубин, а передовые тем более. А эту от первой до последней строчки проштудировал и в мастерскую принес ребятам посмотреть. Статья окончательно утвердила его в решении проситься добровольцем на фронт.

Инициатором создания народного ополчения – этой массовой формы участия советских людей в отражении гитлеровской агрессии –

выступила партийная организация Ленинграда. 27 июня 1941 года Ленинградский горком партии обратился к Главному командованию Красной Армии с просьбой разрешить формирование из трудящихся города семи добровольческих дивизий. Такое разрешение было получено. На этом основании все районы Ленинграда 30 июня начали комплектование дивизий, которые вскоре стали называться ополченческими.

Формирование дивизий народного ополчения Ленинграда – величайший патриотический подвиг трудящихся. Они создавались в то время, когда линия фронта стремительно приближалась к городу – колыбели Великой Октябрьской социалистической революции.

Вопрос о народном ополчении впервые обсуждался в Кремле 26 июня 1941 года. 2 июля здесь состоялось совещание, организованное Центральным Комитетом партии. На нем присутствовали секретари Московских областного, городского и районных комитетов ВКП (б). Им рассказали об обстановке на фронтах и мероприятиях Центрального Комитета партии и ГКО по укреплению обороны страны, сообщили решение удовлетворить просьбу трудящихся о формировании дивизий народного ополчения.

Бывший секретарь Куйбышевского райкома партии г. Москвы Н. М. Шахова вспоминала: "Совещание это длилось примерно полчаса, и после этого мы направились в свои районы. Совещание, я бы сказала, носило неофициальный характер и проводилось в виде беседы. Были намечены сроки. 6 июля дивизии народного ополчения должны были быть сформированы по всем районам".

По инициативе трудящихся столицы и области начали также создаваться добровольческие истребительные батальоны. Они предназначались для борьбы с возможными воздушными десантами и диверсионными группами противника. За несколько дней в Москве было сформировано 25 таких батальонов (18 тысяч бойцов). А всего в столице и области создали 87 истребительных батальонов.

4 июля 1941 года ГКО вынес постановление "О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения". Общее руководство комплектованием этих формирований осуществлял Военный совет Московского военного округа. Непосредственную работу вела Чрезвычайная комиссия округа – "семерка". В нее входили: секретарь МГК ВКП (б) И. М. Соколов, секретарь МК ВКП (б) С. Я. Яковлев, секретарь МК и МГК ВЛКСМ А. М. Пегов, начальник управления продовольственных товаров горторготдела П. В. Филиппов, комбриг Д. П. Онуприенко, подполковник И. К. Простов. Возглавлял Чрезвычайную комиссию командующий войсками округа генерал-лейтенант П. А. Артемьев.

Комплектование дивизий народного ополчения определялось специальным штатным расписанием, разработанным штабом МВО. Им предусматривалось иметь в дивизии 11600 бойцов и командиров. Было

решено формировать 12 дивизий – по административным районам города.

21-я дивизия комплектовалась в Киевском районе столицы. Большую работу по ее формированию провел Киевский райком ВКП (б) во главе с первым секретарем Н. Г. Ликовенковым. И в последующем, на протяжении всей войны, трудящиеся Киевского района поддерживали тесную связь со своей дивизией.

Создавалась дивизия из ополченцев предприятий, учреждений, научно-исследовательских институтов АН СССР, высших учебных заведений, располагавшихся на территории Киевского района. В нее пришли добровольцы Дорогомиловского химического завода им. М. В. Фрунзе, Филевского холодильного комбината, киностудии "Мосфильм", завода им. А. Е. Бадаева, карандашной фабрики им. Сакко и Ванцетти, Московско-Киевского железнодорожного узла, ТЭЦ-12 и других предприятий. Пополнили дивизию ополченческие батальоны Кунцевского и Раменского районов области. В составе одного из них отправился на битву с врагом и автослесарь Егор Дубин, отец пятерых детей.

Из Института истории АН СССР одним из первых записался в ополчение крупный специалист по истории стран Латинской Америки В. М. Мирошевский, участник гражданской войны, старый большевик. Среди добровольцев института был и Н. И. Франич, серб, член Югославской компартии, профессиональный революционер, участник испанских событий. Вместе со своими русскими товарищами по работе ушел в ополчение член Компартии США Г. С. Кларк, в должности комиссара американского батальона ранее воевавший против фашистов в Испании. В Институте марксизма-ленинизма список добровольцев возглавили профессора П. С. Черемных и С. М. Абалин.

Командный состав комплектовался кадровыми командирами Красной Армии, преподавателями военных академий, выпускниками ускоренных курсов переподготовки комсостава. Но это касалось лишь руководства дивизии и полков. Политический состав подбирали Киевский райком партии.

Командиром 21-й дивизии народного ополчения назначили молодого, энергичного полковника А. В. Богданова, участника советско-финляндской войны, награжденного орденом Красного Знамени. Он только что окончил курсы "Выстрел". Комиссаром дивизии стал И. А. Анчишкин, старший научный сотрудник и секретарь партийной организации Института экономики АН СССР, старый большевик, участник гражданской войны. Начальником штаба соединения утвердили полковника Г. Н. Первенцева, преподавателя тактики из Военной академии им. М. В. Фрунзе, тоже участника гражданской войны. Политотдел возглавил профессор-экономист Д. Т. Шепилов. Комиссаром штаба стал М. М. Машкевич, старый большевик, неутомимый пропагандист и страстный агитатор.

Укомплектовали руководящим составом и полки. 61-й полк возглавил полковник Б. Ф. Зарако-Заратовский, 62-й – майор П. Т. Дуб, 63-й – майор Н. М. Бобров. На комиссарские должности Киевский райком партии рекомендовал П. С. Черемных, члена ВКП (б) с 1919 года, М. Т. Пономарева, члена партии с 1919 года, А. Х. Хачатурьяна, члена партии с 1926 года, и Я. Е. Крылова, члена партии с 1918 года. Начальников штабов в полки прислал Московский военный округ из числа кадровых командиров. Остальные должности среднего комсостава были замещены приписанными из запаса.

В дивизию пришло много коммунистов. В их числе были участники Октябрьских революционных событий и совсем недавно вступившие в партию. До войны все они работали на различных предприятиях и в учреждениях Киевского района столицы. Среди ополченцев-коммунистов было немало научных работников из институтов экономики, истории и философии Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б). Большие группы коммунистов прибыли из Раменского и Кунцевского районов Московской области.

Добровольцем пришел в дивизию старый член партии большевиков, работавший вместе с В. И. Лениным, участник первой мировой и гражданской войн С. И. Аралов. Несмотря на почтенный возраст – ему исполнилось 62 года, – он категорически настаивал предоставить ему командную или штабную должность и горячо доказывал, что практически здоров и способен воевать с врагом. С. Н. Аралова назначили помощником начальника оперативного отдела штаба дивизии. Он успешно справлялся со своими обязанностями.

Ко 2 июля 1941 года в 21-ю дивизию народного ополчения было отобрано свыше 4 тысяч бойцов. Эта дата и стала днем рождения соединения. Однако приток добровольцев продолжался. Шли люди разных возрастов и профессий, юноши и девушки, рабочие и служащие, ученые и колхозники. Патриотизм советских людей получил одобрение и поддержку в речи И. В. Сталина, произнесенной им 3 июля 1941 года.

В Московском партийном архиве сохранилась докладная записка, подписанная секретарем Киевского РК ВКП (б) Ликовенковым и заведующим военным отделом райкома партии Степченко. В ней сказано:

"6 июля 1941 г. назначен сбор дивизии. Командный состав на своих местах. Ровно к 10.00 организации с оркестрами, с баянами, с песнями идут на указанные сборные места. Настроение у бойцов народного ополчения бодрое, веселое. Много пришло товарищей, не зачисленных в дивизию, и просились принять их в ряды ополчения. Многим из них пришлось отказать, так как по физическому состоянию здоровья не подошли.

Первая поверка – раздается команда командиров "Становись!". Идет переключка. Бойцы отвечают по-военному: "Есть!" Закончилась поверка. Начальник штаба дивизии докладывает командиру дивизии, что 6.7.41 г. явилось на сборный пункт 7660 человек, из них членов и

кандидатов партии 716 чел., комсомольцев 491 чел. Явка сто процентов, комплектование дивизии закончено. Одновременно с комплектованием дивизии руководители предприятий и учреждений по-большевистски взялись за работу по оснащению всем необходимым дивизии. На заводе КЭС изготовили несколько тысяч шанцевых лопат, Дорхимзавод подготовил котлы для питания. Тароремонтные заводы изготовили топчаны и койки, завод им. Бадаева изготовил 10 походных кухонь, завод им. Орджоникидзе сделал более 1000 котелков, и ряд других организаций приняли активное участие в такой же работе. Районный комитет ВКП (б) выделил для дивизии 61 автомашину и обеспечил питанием бойцов народного ополчения. Дивизия приняла воинский вид, получила обмундирование, вооружение, приступила к изучению материальной части оружия. Вся работа проводилась точно по расписанию".

В постановлении ГКО от 4 июля говорилось, что дивизии народного ополчения должны готовиться для непосредственного прикрытия Москвы на случай самого неблагоприятного хода войны, что они должны впитать в себя добровольцев в возрасте от 18 до 50 лет из числа не подлежащих мобилизации, с широким привлечением женщин на должности медицинских и технических работников, связистов, политпросветработников, снайперов, работников блока питания. 21-я дивизия была одной из них.

8 июля эта дивизия выступила из Москвы, а через некоторое время вошла в состав 33-й армии Резервного Фронта. В первых числах августа она сосредоточилась северо-восточнее г. Кирова Калужской области, где приступила к занятиям по боевой и политической подготовке и строительству оборонительного рубежа. Ее первая боевая задача формулировалась так: подготовить к обороне полосу по обе стороны дороги Киров – Рославль на рубеже Погребки – Дубровка – Вороненка.

"Примерно часов восемь рыли окопы, – вспоминал бывший командующий 33-й армией генерал-майор Д. П. Онуприенко, – часов шесть занимались боевой подготовкой". А практически готовились к схватке с врагом днем и ночью: изучали уставы, материальную часть вооружения, инженерное дело и средства связи, тактику встречного и оборонительного боев в составе мелких подразделений. Почему мелких? Да потому что фронт обороны был широк, не по силам, и мелким подразделениям приходилось самостоятельно решать самые сложные задачи.

"Наша дивизия, как, впрочем, и все остальные дивизии народного ополчения Москвы, – вспоминал секретарь дивизионной партийной комиссии в первые годы войны А. Ф. Меденников, – была сильна, прежде всего, своим партийно-политическим составом. Девять десятых ее бойцов и командиров не имели в то время достаточной военной подготовки. Коммунисты дивизии быстро сплотили подразделения. Они неустанно работали над повышением политического сознания бойцов и командиров, вдохновляли их, укрепляли в них веру в

непобедимость правого дела, указывали на необходимость быстрее овладения воинским мастерством". Политотдел дивизии проводил большую работу по обеспечению плодотворной боевой и политической подготовки, укреплению организованности и дисциплины.

В августе в дивизии прошли семинары партторгов и комсогов по вопросам обеспечения высокого качества боевой выучки. В полках был скомплектован актив, который в дальнейшем явился надежной опорой командиров. Для повышения идейно-политического уровня кадров политработников и командиров, для теоретической подготовки агитаторов были созданы "университеты в землянках", где читали лекции профессора, доктора и кандидаты наук из состава бойцов дивизии.

Приказом народного комиссара обороны от 23 августа 1941 года ополченческая дивизия была реорганизована, довооружена по штатам военного времени и переименована в 173-ю стрелковую. В нее вошли три стрелковых полка, артиллерийский полк, отдельные батальоны связи и саперный, механизированная разведрота и другие подразделения. В сентябре в штат дивизии ввели многотиражную газету "Боевое Знамя" и клуб.

173-я стрелковая дивизия заняла оборону на левом фланге 33-й армии Резервного фронта. Правее ее оборонялась 17-я стрелковая дивизия, левее – в районе Бытош – Людиново – 18-я. Ширина полосы обороны достигала 18-20 километров, передний край проходил восточнее реки Десны.

Жгиров, Ф. Е. Набат войны врывается в сердца / Ф. Е. Жгиров // Под свинцовой метелью / Ф. Е. Жгиров. — Ленинград, 1989. — С. 9—20.